

Лилия Подгайская

Жизнь, оборванная до срока

Сборник

Есть много причин, обрывающих жизнь человека до срока, — тяжёлые болезни, людская вражда, бесконечные войны, катастрофы природного характера. Но когда человек попадает в условия, где от его воли, его усилий уже не зависит ничего — это по-настоящему страшно, до жути. И это стоит прочувствовать и понять, чтобы стать сильнее самому.

Человек и волк

Дочь старейшины племени дреговичей из верховьев реки Днепр, Замяна была хороша собой, как ясный день. Она была последним ребёнком отца и, вопреки его суровости и даже временами жестокости, ребёнком любимым. Никол и сам не понял, как это произошло. Чувствуя, что старость неумолимо приближается к нему, отнимая постепенно силы и приглушая желания,

старейшина отчаянно захотел ещё раз почувствовать себя молодым и полным сил. Тогда он взял на ложе ещё одну жену, совсем молоденькую и не слишком красивую, но крепкую телом. Главное же, в глазах девки он углядел огонёк, который давал ему надежду получить именно то, что он хочет. И мужчина не ошибся. Ятка оказалась девкой горячей, а Никол был всё ещё в силе. И ночи их превратились в жаркий костёр страсти. При этом мужская удаль Никона крепла с каждым разом, а женские силы Ятки убывали. Уже и отстать бы от жены пора, поскольку плод их горячих ночей рос не по дням, а по часам, а Никол не мог остановить себя. Один только вид её молодого тела будил в нём мужскую силу и разгонял жидкий огонь по жилам. Это было сильнее его.

В положенный срок Ятка родила своему мужу дочь. Как только женщина, после требуемого традицией очищения, вновь оказалась в избе, Никол набросился на неё, как изголодавшийся лесной зверь на добычу. Поначалу Ятка была так же горяча, как и раньше, но постепенно силы её таяли. Родить больше она не смогла. Зачинала детей, но ни одного не доносила до срока, скидывала, а при последней попытке умерла и сама, просто истекла кровью.

Умирала Ятка долго и мучительно. И когда

смотрела на мужа, в глазах её появлялось странное выражение, от которого все бабы в избе хватались за обереги. Да и у самого Никола рука тянулась туда же, но достоинство старейшины племени останавливало его.

— Ты взял мою жизнь и спалил её, как на костре. За то отдашь мне свою мужскую силу, и я заберу её с собой. А ты больше ни одной бабы не покроешь, не сможешь.

Такие слова сказала Ятка своему мужу перед самой кончиной, и в глазах её загорелся торжествующий огонёк. Она покидала этот мир, отомстив напоследок человеку, забравшему её жизнь.

Никол не поверил сперва, хотя бабы в избе шептались о том без конца. А потом и по всему роду гул пошёл, что Ятка, умирая, забрала с собой мужнину силу. Пытаясь опровергнуть эту страшную молву, но всё же не совсем доверяя себе, Никол изловил как-то в поле немую девку-работницу. Но вышла осечка. Он отнёс свою неудачу за счёт голодной зимы, оставшейся позади и ослабившей всех. Когда же соплеменники удачно сходили на охоту и убили в оживающем уже лесу хоть и худого, но всё же сильного лося, старейшина испил свежей крови животного и до отвала наелся жареного на костре мяса. На другой день он снова изловил немую девку, которая от него далеко и не

пряталась. Но как ни старалась девка распалить мужское естество старейшины, опять не получилось ничего. Уд Никола висел дряблой тряпицей и даже не делал попытки пошевелиться.

Три дня бушевал разъярённый мужчина, так жестоко обиженный норнами. Он клял свою бывшую страсть к Ятке, от которой не мог оторваться, и её саму. Но умершая жена приходила к нему по ночам в снах, снова сильная, ядрёная, и торжествующе улыбалась. Не помогали ни обереги, ни заклинания, ни богатые жертвоприношения.

И Никол смирился. На память о последней жене у него остались мужская немочь и маленькая дочь, которую называли Замяной. И как ни старался старейшина одолеть себя, любовь к дочери крепко въелась в его сердце. Остальные дети, из которых выжило шестеро, воспринимались им спокойно, как должное. Но малышка Замяна тянула к себе и трогала порой до слёз. Только её одну из всех детей качал он на коленях, её гладил по светловолосой головке, ей собственноручно вырезал из дерева разных зверушек для игры. Казалось бы, старшие дети должны были невзлюбить младшую сестру, но нет, такого не случилось. Замяна была очаровательным улыбчивым ребёнком, распространяющим вокруг себя свет и тепло. Её яркие голубые глазёнки светились радостно, маленькие губки улыбались, и ни у кого из старших

не поднималась рука обидеть её.

Так и росла Замяна среди близких ей доброжелательных людей под крылом у любящего отца. Стареющий мужчина баловал дочь, позволял ей то, чего никогда бы не дозволил другим. И девочка поднялась на ноги своевольной красавицей, гордой и непокорной. Она, правда, никогда громко не противоречила отцу и старшим, не спорила. Но непокорность светилась в её глазах. Она была как птица, которая охотно клюет рассыпанный доброй рукой корм, но чуть только сделай движение, чтобы поймать её, тут же взлетит и унесётся прочь — не догнать и не увидеть даже.

Взрослая жизнь пришла внезапно и сразу отсекала беззаботное детство.

Племя дреговичей, людей мирного нрава, землепашцев и охотников, располагалось на северо-востоке территории обитания их племенного союза, как раз на границе с более воинственным и сильным племенем полоцких кривичей — полочан. Добраться до них соседи могли легко, сплавившись по реке Березине. А струги полочане делали знатные, они, говорят, и до самого Царьграда ходили. Жизненный опыт и разум подсказывали, что с такими соседями следует жить в мире. А как его лучше скрепишь, как не родством?

И совет самых старых и мудрых мужчин племени, долго ломавших голову над вставшей

перед ними задачей, постановил, что для закрепления мира с полочанами они должны отдать им самую красивую девушку племени, а это, всем ведомо, была Замяна. Старейшина Никол пребывал в разладе с самим собой. С одной стороны, решение было разумным и могло обеспечить их роду много лет спокойной жизни. Но с другого бока, Замяна была его любимой дочерью, и расставаться с ней ему не хотелось, хотя он и не видел достойного жениха для подросшей девушки в собственном племени. Пришлось согласиться.

Замяна, узнав о решении совета мудрейших, поникла головой. В душе её зашевелились какие-то непонятные ей самой страхи. Но противоречить отцу она не стала — девушка была достаточно умна и хорошо понимала свой долг перед родным племенем. Ведь она была здесь на только самой красивой, но и самой знатной из невест. И значит, её доля уходить в чужое племя как залог мира. Она взглянула в глаза отцу и проговорила твёрдо, пряча свой страх:

— Я исполню твою волю, отец мой и старейшина. И не подведу тебя.

В глазах Никола смешались гордость за дочь и печаль. Он делал то, что должен был. Так почему же на сердце так тяжело?

Вскорости к соседям-полочанам отправилось посольство от племени дреговичей. Они отплыли на

небольшой ладье с четырьмя парами весел. Замяна провожала их печальным взглядом. Как ни скрывала она от отца свой страх перед неизведанной новой жизнью, опытный глаз старейшины читал его в глазах дочери, и на душе становилось всё тяжелее.

Посольство вернулось довольно скоро. И привезли они хорошие вести. Старейшина полочан Роглед, могучий мужчина и сильный воин, принял предложение благосклонно. У него как раз подрос единственный сын Избор, которому отец подыскивал невесту. Всё сложилось ладно. И тремя днями позднее следовало ждать гостей. Кривичи были не только сильным, но и богатым племенем. А Роглед пообещал, коли невеста окажется так хороша, как говорят, не поскупиться на вено за неё. И в поселении началась суматоха — надо было достойно принять важных гостей.

Кривичи появились на реке утром, и яркое уже солнце освещало их богатый большой струг, быстро продвигаемый вперёд дружными взмахами двадцати тяжёлых весел. На носу стоял сам старейшина, высокий мужчина с широкими плечами и в богатом одеянии. Он ярким пятном выделялся на фоне голубого неба, и дреговичи притихли. К ним двигались сама сила и богатство.

Никол и самые почётные мужчины племени двинулись навстречу гостям и торжественно их

приветствовали. Роглед глянул доброжелательно, а когда увидел красиво обряженную невесту и вовсе заулыбался. Да за такую никаких богатств не жалко. Повезло же его сыну!

Замяна взглянула в глаза чужого старейшины и немного успокоилась — в его взгляде она прочла доброту и ещё мужское восхищение. Но вот подошёл и сам жених, Избор. Он был почти так же высок, как его отец, но казался не столь могучим. И был красив лицом, красивее отца. Однако глаза его Замяне не понравились. Они были холодными. Он оглядел невесту, словно кобылу на торге, и на лице его появилось довольное выражение. Послы говорили правду, ему досталась красивая девка в жёны и по всем признакам горячая. А горячих девок он любил, много их покрыл в своём племени, не говоря уже о рабынях, но среди них выбирал только самых красивых и заставлял их любить себя так, как ему нравилось.

Молодые девки племени дреговичей прямо все глаза проглядели, любуясь статным женихом в богатой облачении и с дорогим ножом на поясе. Ну и повезло же Замяне, шептались они, завистливо поглядывая на нарядную невесту. Сама Замяна их восторгов не разделяла. Жених не показался ей ни добрым, ни умным, а ведь это куда важнее в муже, чем красота. Но отступить было уже некуда. Гости приехали, и невеста им явно пришлась по душе.

Сговорились быстро. Роглед не слишком придирался к приданому невесты, а вено отвалил такое, что у дреговичей дух захватило. Пир удался на славу, и все остались довольны.

Когда пришло время отбывать в чужие края, Замяна чуть задержалась на пороге родного дома, в душе подняла голову зелёная тоска, но девушка справилась с собой и не пролила слёз — нельзя, к беде это. Но на берегу стало ещё хуже. Прощаясь с отцом, она прижалась на миг к его груди, и слёзы всё же пролились. Подняв голову, она взглянула в его любящие глаза, и оба поняли, что видятся в последний раз. Замяна отвернулась и шагнула на чужой струг. Её удобно устроили на корме, и родной берег стал уходить назад, удаляясь, а потом и вовсе скрылся за поворотом реки.

Жених, глаза которого горели жадным ожиданием, крутился рядом с девушкой, время от времени обращаясь к ней:

— Скоро, скоро уже мы окажемся за своей занавеской, и я получу своё. Ты сладкая как мёд, и, надеюсь, мягкая как хорошо выделанная овечья шкура, и ещё горячая. Я горячих девок страсть как люблю, ты уж постарайся.

Замяна опускала глаза и краснела, а он смеялся.

И вот, наконец, показался чужой берег. Здесь всё было не так, как в родном племени. По-другому

срубленные дома, погребальные курганы не круглые, как у дреговичей, а длинные. Кажется, даже воздух другой. И лес кажется не таким, как дома, он подступает к селению с двух сторон.

На берегу их уже встречали. Невеста явно понравилась новым родичам. Её приветствовали громкими криками, и Избор прямо раздулся от гордости — да, его жена красавица, и её красота теперь принадлежит только ему одному. У двери избы, самой большой в поселении, как и положено старейшине, молодых встречали домочадцы. И тут взгляд Замяны наткнулся на чёрные глаза, в которых горела ненависть, лютая, неизбывная. Девушка почувствовала, что её опасения были не напрасны, и жизнь в доме мужа лёгкой для неё не будет. Она и сама поняла, что это свекровь её, мужнина мать. Но оказалось, что Рытва ещё страшней и опасней, чем увиделось с первого взгляда.

После всех приветствий и застолий молодые, оказались, наконец, за своей занавеской. Слегка опьяневший от выпитого мёда Избор торопил жену — скорее, мол, снимай всё и дай добраться до белого тела. А добравшись, принялся давить и мять его, ничуть не задумываясь о том, нравится ли это лежащей под ним женщине. Немного удовлетворив себя, он вдруг понял, что она не проявляет горячей страсти, которой он ожидал.